

В памяти всплыли яркие глаза подростка, когда они впервые встретились:

«Она не хочет есть куриные ножки, можно я возьму?»

Действительно ли он был настолько голоден, чтобы подойти и попросить еды?

В дверь постучали, и вошла Лу Цзинъи: «Брат, я пойду в школу одна, если ты занят».

Лу Цзинхань отложил информацию: «Я не занят, поехали».

Лу Цзинъи нахмурилась и закатила глаза к небу.

Лу Цзинхань постучал ее по голове: «Что ты расстраиваешься, я тоже сегодня иду на занятия, так что это хорошая идея пойти вместе».

Ли Хай вел машину, а Лу Цзинхань сидел на пассажирском сиденье.

Лу Цзинъи сидела на заднем сиденье, повиснув на спинке сиденья Лу Цзинханя, и спросила его: «Брат, ты еще не убедил Се Вэйвань?»

Лу Цзинхань никогда не рассказывал Лу Цзинъи об этих делах, поэтому Лу Цзинъи всегда думала, что ее брату действительно нравится Се Вэйвань.

«Дети не должны вмешиваться в отношения между взрослыми».

Лу Цзинъи отрезала: «Не похоже, что ты преуспел. Кому ты понравишься, если ты весь день будешь мрачным».

Лу Цзинхань посмотрел на свою сестру, которая сидела рядом с ним с черным лицом, и предупредил ее: «Сиди спокойно».

Лу Цзинъи проигнорировала его кривое лицо и продолжила говорить.

«Брат, позволь мне научить тебя одному методу: чтобы преследовать девушку, ты должен быть нежным. Прежде чем отправить ей что-либо, внимательно изучи ее предпочтения. Начать с того, чтобы угощать ее едой. Девушка может отказаться от цветов и роз, но она не может отказаться от маленьких закусок».

Лу Цзинхань покрутил головой и поднял брови, чтобы риторически спросить ее: «Ты хорошо осведомлена, кто-то снова ухаживает за тобой?»

Лу Цзинъи потемнела лицом: «У нас дома жестокий тиран, какой парень осмелится преследовать меня, если не хочет умереть?!»

Ли Хай, сидевший за рулем, не мог удержаться от громкого смеха.

В младшей школе был мальчик, который хотел бегать за Цзинъи. Когда брат Хань узнал об этом, он в ярости пошел в школу, поднял мальчика одной рукой на глазах у всего класса и поднес его к окну пятого этажа.

Не успев произнести ни слова, ребенок описался от страха.

Вспомнив о том, что произошло тогда, Лу Цзинъи почувствовала себя униженной. После этого все мальчики в классе избегали ее, когда видели. И по сей день среди одноклассников ходит поговорка: «Посмотрел в сторону Лу Цзинъи? Ты хочешь умереть!»

Лу Цзинхань до сих пор был уверен в своей правоте: «Это хорошо, 15-летние подростки ничего не знают об отношениях».

«Если ты не можешь получить даже одну Се Вэйвань, ты не имеешь права говорить мне такое!»

Лу Цзинъи села на свое место, достала наушники и надела их, больше не разговаривая с ним.

Проводив сестру, Лу Цзинхань сам вернулся на кафедру финансов университета С. Сейчас он был на четвертом курсе, и ему нужно было ходить на занятия только один день в неделю, чтобы обсудить с курирующим профессором свою дипломную работу.

Как только он вошел в исследовательскую группу, его окликнул одногруппник, который неплохо учился: «Брат Хань, сегодня утром в художественном колледже о тебе ходили слухи, хочешь послушать?»

«Не интересно».

О нем так много говорили в школе, что он уже давно стал ваджрой*.

*будд. ваджра (ритуальное и мифологическое оружие в индуизме, буддизме и др. ведических религиях; в переводе означает «молния» и «алмаз»; используется в буддийских терминах как символ силы и защиты веры)

Но этот сокурсник был так взволнован, что не обратил внимания на его безразличие и рассмеялся.

«На этот раз это абсолютная классика. Младшекурсник художественного факультета хвастается перед людьми, что ты его крыша, и говорит, что теперь живет с тобой».

Главное, что он еще и мальчик с особыми предпочтениями, как думаешь, он сошел с ума и бредит? Ха-ха!»

Лу Цзинхань: Хм?

Когда Ся Сяому был на утреннем уроке, он почувствовал, что кто-то указывает на него и что-то говорит за его спиной.

Когда он повернул голову, чтобы оглядеться в классе, все его одноклассники опустили головы, зашептались и тут же рассмеялись, как будто говорили о нем.

Это была явная насмешка и провокация.

Тот, кто сталкивался с подобным, не мог быть спокоен, и когда он закончил утренние занятия и пошел в столовую поесть, к нему подошли соседи по комнате.

Сюй Чжэ все еще зловеще смеялся: «Йо, Ся Сяому, вилла старшего Лу находится на дороге Суннань?»

Рука Ся Сяому держала палочки для еды: Дом Нин-Нин находится на улице Суннань!

Чжан Вэй: «У тебя большая фантазия, Сяому, кто не знает, что все мы, бедные студенты, живем на дороге Суннань и не можем позволить себе жить на большой вилле семьи старшего Лу?»

Чжао Тэн: «Но Ся Сяому сказал, что он теперь человек старшего Лу, он не только тратит деньги старшего Лу, но и живет вместе с ним, значит, его крыша теперь живет на Суннань? Хахахахаха!».

Их голоса были не тихими, что вызвало смех у студентов за соседними столами.

Сердце Ся Сяому пылало, как будто на него плеснули холодной водой, но тело было настолько холодным, что хотелось дрожать.

Наконец, он понял, почему на него указывали все утро: оказалось, что он использовал личность Лу Цзинханя как прикрытие, и был разоблачен как лжец. Из-за этого поползли слухи и заставили людей вскипеть.

Он действительно недооценил злые намерения своих соседей по комнате.

Болтовня вокруг него становилась все громче, и он изо всех сил старался не обращать на нее внимания, но его нервы были чрезвычайно чувствительны, и слова насмешки достигли его барабанных перепонки и заставили его голову гудеть:

«Педики в наши дни повсюду»

«Неужели все педики в наше время такие откровенные, смеют посягать на нашего мужского бога?»

«Он симпатичный парень, но он не знает своего места».

«Мечтать не вредно. Это не противоречит закону, но не говорите ничего, это все равно отвратительно».

Ся Сяому смотрел на трех человек перед собой и слушал злобные слова вокруг. Впервые в жизни он почувствовал удушающее чувство, что у него нет возможности выпустить свой гнев, а рука, держащая палочки для еды, продолжала дрожать.

Вдруг неизвестно кто крикнул: «Ого, бог Лу здесь!»

<http://bllate.org/book/15896/1419151>